

Пильгун А. В.

ПОТУСТОРОННИЙ МИР СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. РАЙ, ЧИСТИЛИЩЕ, АД И ИХ ПЕРСОНАЖИ В ВИЗИОНЕРСКИХ ТЕКСТАХ И МИНИАТЮРАХ ИЗ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ РУКОПИСЕЙ IX–XV ВЕКОВ

М.: Гамма-пресс, 2019. 467 с. ISBN 978-5-9612-0070-6

УДК 82-95 (94(36))

DOI: 10.31802/BCA.2021.11.3.012

«Божественная комедия» Андрея Пильгуна

В конце января 2015 года в Лаборатории медиевистических исследований НИУ ВШЭ состоялось заседание, привлечшее внимание огромного числа слушателей: специалистов по западноевропейскому Средневековью (историков, филологов, культурологов, искусствоведов), студентов столичных ВУЗов, коллег-русистов. Интерес этот был совершенно закономерен, поскольку темой заявленного доклада значилась «Физика потустороннего», а его автор А. В. Пильгун намеревался познакомить аудиторию со своей новой монографией, находившейся на тот момент в работе.

Книгой этой, увидевшей свет в 2019 году, стал «Потусторонний мир Средневековья» — исследование представлений людей IX–XV вв. о том, что ждало их за земным порогом — в чистилище, раю и в преисподней. Данная работа явилась продолжением не менее объемного и насыщенного информацией труда, посвященного средневековым изображениям и описаниям вполне реального небесного и подлунного пространства в их неразрывной связи с христианскими представлениями о мироздании¹. Теперь же автор предложил своим читателям увлекательное путешествие в мир *воображаемого* — в тот

1 Пильгун А. В. Вселенная Средневековья. Космос, звезды, планеты и подлунный мир в иллюстрациях из западноевропейских рукописей VIII–XVI веков. М.: Гамма-пресс, 2011. 488 с.

мир потустороннего, который рождался под пером средневековых визионеров и находил отражение в многочисленных миниатюрах к самым различным рукописным кодексам.

Об иллюстративном материале, собранном в монографии, следует, безусловно, сказать особо, ибо перед нами результат титанического труда по выявлению и анализу редчайших изображений практически из всех библиотек и архивных хранилищ мира. Такую работу, на мой взгляд, было бы сложно осуществить за столь небольшой срок даже группе исследователей², и тем не менее с поставленной задачей А. В. Пильгун справился в одиночку и поистине блестяще. В представленной на страницах «Потустороннего мира» коллекции миниатюр (и, как следствие, рассмотренных мотивов) сложно найти сколько-нибудь существенные лакуны. В издание вошли 430 иллюстраций прекрасного качества (здесь нужно отдать должное издательству «Гамма-пресс»), которое позволяет по достоинству оценить и их цветовое решение, и детализацию того или иного сюжета. Трудно себе вообразить лучшее подспорье для специалистов, изучающих эпоху западноевропейского Средневековья.

Казалось бы, что свой научный поиск А. В. Пильгун мог с полным правом ограничить лишь собиранием и описанием столь редких миниатюр, ведь одно их вдумчивое изучение занимает читателя на долгие часы. И тем не менее автор не остановился на достигнутом. Мало того, что все иллюстрации в книге оказались снабжены подробнейшим перечнем основных мотивов, представленных на том или ином изображении и заставляющих вспомнить об индексе Аарне — Томпсона — Утера³. Такой же список мотивов был составлен автором и для визионерских текстов, что также позволяет легко проследить развитие описаний потустороннего мира на протяжении нескольких веков и сравнить их с его чуть более поздней визуализацией на миниатюрах.

2 Здесь стоит вспомнить о Группе исторической антропологии западноевропейского Средневековья (Le Groupe d'Anthropologie Historique de l'Occident Médiéval), созданной в 1978 г. Жаком Ле Гоффом и продолжавшей исследования вплоть до 2017 г., сначала под руководством Жан-Клода Шмитта, а затем — Мари-Анн Поло де Больё. Их работа по каталогизации основных средневековых изобразительных мотивов и сюжетов «поучительных примеров» (exempla) заняла многие десятилетия. О работе Группы см. прежде всего: <http://gahom.ehess.fr>.

3 Данный индекс был составлен для систематизации фольклорных сказочных сюжетов: Aarne A. Verzeichnis der Märchetypen. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1910; Thompson S. Motif-index of Folk-literature. Copenhagen; Bloomington: Indiana University Press, 1955–1958. 6 vols.; Uther H.-J. The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 2004. Parts I–III.

Однако и собственно исследовательская часть монографии А. В. Пильгуна весьма познавательна. Она распадается на несколько больших «блоков», последовательно повествующих о географии, топографии и ландшафте потустороннего мира, а также о населяющих его персонажах и их отношениях с душами умерших людей. Иными словами, автор предлагает своим читателям некий «путеводитель» по различным «отсекам» загробного мира — такого, каким его представляли себе средневековые визионеры и миниатюристы. Две эти системы репрезентаций далеко не всегда совпадают друг с другом ни по содержанию, ни по хронологии: ведь, как справедливо напоминает А. В. Пильгун, большая часть средневековых визионерских текстов была создана до первой четверти XIII в., тогда как изображения, напротив, в основном относятся к XIII–XV вв. Тем не менее, с методологической точки зрения, этот временной разрыв не создает сущностной проблемы, поскольку соединение письменных и визуальных источников лишь помогает читателю увидеть более целостную и объемную картину, глубже проникнуть в воображаемые миры людей Средневековья, понять, насколько менялись их представления в каждом следующем столетии, а в чем оставались неизменными.

За подробным описанием средневековых картин потустороннего мира встает не менее интересный проблемный план. Автор пытается найти ответы на такие глобальные вопросы, как роль Творца в создании рая, чистилища и преисподней; влияние библейских текстов на иконографию отдельных сюжетов и целых иконографических схем; наличие возможных текстов-«посредников» между сочинениями визионеров и работами художников; особенности передачи этими последними неизобразяемого: вкуса, запаха, телесных ощущений (холода или жары), человеческих или демонических эмоций (радости, страха, грусти); связь реальности и вымысла в описаниях и визуализации сцен наказания грешников в аду⁴. Совершенно особый исследовательский интерес вызывает предложенная в монографии трактовка средневекового чистилища, которое, вслед за Ж. Ле Гоффом и А. Я. Гуревичем⁵, современные медиевисты традиционно воспринимают

- 4 В данном случае А. В. Пильгун, как кажется, дополняет весьма существенными деталями давние и более общие наблюдения Жерома Баше (*Baschet J. Les Justices de l'au-delà. Les représentations de l'enfer en France et en Italie, XIIe – XVe siècles. Roma: École française de Rome, 1993, 2014*). В частности, особого интереса заслуживают размышления автора о средневековом восприятии адской пасти как отдельного живого существа (с. 173–202).
- 5 *Le Goff J. La naissance du purgatoire. Paris: Gallimard, 1981* (рус. пер.: *Ле Гофф Ж. Рождение чистилища* / пер. В. Бабинцева, Т. Краевой. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ Москва, 2009); *Гуревич А. Я. Потусторонний мир* // *Словарь средневековой культуры* / под ред. А. Я. Гуревича. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. С. 376–380.

как отдельный отсек потустороннего мира. Тем не менее на многочисленных примерах — как письменных, так и иконографических А. В. Пильгун демонстрирует, что так было далеко не всегда. Порой чистилище воспринималось и изображалось как часть «инфернального региона» (с. 6, 7, 10, 19, 363), то есть как ещё одно место наказания грешников.

Огромный массив собранного и проанализированного автором материала не просто исключительно интересен и полезен для исследователей-медиевистов. Он заставляет *задуматься* над поставленными или лишь намеченными проблемами, а потому порождает бесчисленное количество вопросов, а иногда и сомнений.

Первое и, пожалуй, самое главное из них приходит сразу же по прочтении монографии: насколько пространство, описываемое или изображаемое средневековыми визионерами и миниатюристами, в действительности являлось *воображаемым*? Ведь А. В. Пильгун сам отмечает, что у человека той эпохи отсутствовало понимание «потустороннего» (с. 8), иными словами, он никак не разделял мир земной и загробный. Безусловно воображаемыми все эти описания, как мне представляется, могли бы считаться лишь для нас, людей ХХI в., но для человека эпохи Средневековья они, скорее, отражали попытки *упорядочить* собственные идеи о потустороннем мире, встроить их в определенную схему. Именно этой цели и служили многочисленные тексты и изображения: они были способом привести воображаемое к *реальным* образам мира земного, использовать систему аналогий, чтобы через нее понять самим и объяснить другим невообразимое.

Вот почему, к примеру, сцены наказания грешников в аду так часто оказывались идентичны тем «образцам», которые современники наблюдали в реальной жизни (на городской площади или в зале суда) и которые уже в период раннего Средневековья были вполне регламентированы (с. 288–377)⁶. Вот почему разнообразные представители инфернальной фауны являлись не просто вполне реальными животными (с. 93–100, 127–130): все они в действительности принадлежали к так называемому бестиарию дьявола, то есть *уже* были встроены в некую упорядоченную схему, с успехом применявшуюся и в мире земном⁷. Вот почему демоны изображались авторами визионерских

6 В данном случае, как мне кажется, было бы значительно интереснее отметить и проанализировать те наказания в аду, которые *не находили* аналогов в земном мире, т. е. заведомо не опирались на готовые схемы.

7 О бестиарии дьявола см. прежде всего: *Sansy D. Bestiaire des juifs, bestiaire du Diable // Micrologus: natura, scienze e società medievali. 2000. Vol. 8: Il mondo animale. P. 561–579.*

текстов и миниатюр в соответствии с определённой иерархией (с. 81–88, 137–138), которая вторила ангельским порядкам в мире небесном.

Воображаемыми не следует, на мой взгляд, именовать даже описания *устройства* потустороннего мира, в котором отсутствовали явные связи между отдельными «отсеками» (с. 15, 36–55). Ведь люди Средневековья, насколько мы можем судить по самым различным источникам, вообще плохо представляли себе пространство, которое являлось для них скорее точечным, нежели линейным⁸, но от этого оно не становилось менее реальным. Наконец, *типичность* картин потустороннего мира и у визионеров, и у миниатюристов, в которой их современники видели истинность этих описаний (с. 24), в действительности сама по себе свидетельствовала о потребности превращения воображаемого в реальное, в то, что существует на самом деле и подчинено определённым правилам.

Возможно, именно с этой особенностью восприятия связана и проблема «хаотичности» потустороннего мира, к которой неоднократно возвращается на страницах своего труда А. В. Пильгун. Он утверждает, что, с точки зрения средневекового человека, в преисподней всегда царил беспорядок, в ней отсутствовала гармония и геометрия (с. 15, 234–235). На мой взгляд, речь должна вестись скорее не о хаосе, а вновь о специфически понимаемом порядке, который, безусловно, не всегда, но все же бывал подчинен определённым нормам, особенно четко проявляющимся как раз на миниатюрах. Огромный иллюстративный материал, собранный в монографии, даёт, в частности, возможность утверждать, что иконографическая схема, согласно которой рай и ад помещались вверху и внизу изображения соответственно, являлась вполне устойчивой (с. 57, 63, 68 и др.). Движение грешников по направлению к аду обычно происходило справа налево, а праведников — в обратном порядке (с. 13, 16–18, 78, 103, 125 и др.), что представляется совершенно логичным для средневекового (и не только) мышления, для которого

8 Феномен средневекового сознания, уже не раз подмеченный исследователями, заключался в том, что люди той эпохи вполне внятно и достоверно описывали конкретные места, где жили или бывали по необходимости (города или деревни), но практически никогда не упоминали в своих рассказах территорию, которая располагалась *между* населёнными пунктами (дороги, леса, поля и т. д.). См., к примеру: *Paul J. Le prophétisme autour de Jeanne d'Arc et de sa mission // Il profetismo gioachimita tra Quattrocento e Cinquecento / a cura di G. L. Potestà. Genova: Marietti, 1991. P. 157–182; Тогоева О. И.* Воспоминания о власти. Реймс 1431 г. // *Образы власти на Западе, в Византии и на Руси. Средние века и Новое время / под ред. М. А. Бойцова, О. Г. Эксле. М.: Наука, 2008. С. 307–325.* В этой связи в монографии А. В. Пильгуна было бы очень интересно увидеть собирательный образ *райского* ландшафта, от анализа которого автор, к сожалению, отказался (с. 204).

«правое» всегда ассоциировалось с Божественным, а «левое» — лишь с дьяволом и его присными⁹. Точно так же и сам Господь всегда — даже в сценах сотворения преисподней — располагался строго по центру изображения или же в его верхнем регистре (с. 13–14, 31, 47, 90 и др.).

Тему поисков порядка и гармонии в загробном мире, как в его описаниях, так и в изображениях, на мой взгляд, можно было бы усилить в монографии, дополнительно затронув такой любопытный сюжет, как география и топография *шабаша*. А. В. Пильгун логично завершает повествование разделом, посвящённым связям между миром земным и миром потусторонним, и совершенно справедливо отмечает, что граница между ними чаще всего оказывалась проницаемой. У воображаемых явлений и персонажей в большинстве случаев находились вполне реальные «близнецы»; многие события происходили одномоментно сразу в двух мирах или были тесно связаны друг с другом; потусторонние визуальные эффекты, звуки и ароматы оказывались вполне доступными и в подлунном мире (с. 380–394). Однако именно шабаш ведьм и колдунов, первые связные концепции которого появились в Западной Европе на рубеже XIV–XV вв., в результате оказался именно тем местом, где мир земной наиболее тесно соприкасался с миром потусторонним.

Шабаш всегда представлялся *пограничным* пространством, описания которого отсылали одновременно к явлениям повседневной жизни людей Средневековья (церковным таинствам, праздничному застолью, свадьбе, ритуалу принесения оммажа и т. д.) и в то же время — к воображаемым картинам загробной жизни. В частности, места локализации ада, о которых подробно пишет А. В. Пильгун (с. 259–287) и которые, согласно средневековым авторам и художникам, чаще всего располагались в труднодостижимых горах, скалах, пещерах, полях, подземельях и т. д., со временем в воображении современников превратились в места проведения встреч ведьм и колдунов с дьяволом и демонами. Иными словами, описания шабаша дают нам редкую возможность проследить, как представления об упорядоченности земного мира и реального социального устройства влияли на идеи об устройстве мира загробного (прежде всего inferнального) и как они в конце концов их себе подчинили.

9 О проблеме негативного восприятия «левого» в западноевропейской средневековой культуре см. прежде всего: *Пастуро М.* Символическая история европейского Средневековья / пер. Е. Решетниковой. СПб.: Alexandria, 2012. С. 210–224. О развитии данной идеи в средневековой демонологии см.: *Тогоева О. И.* Рыжий левша: тема предательства Иуды в средневековом правовом дискурсе // *Одиссей. Человек в истории* 2012. М.: Наука, 2012. С. 98–112.

Наконец, в заключение стоит упомянуть ещё об одной досадной, с моей точки зрения, лакуне в представленной монографии. Очень жаль, что из списка визионерских текстов, задействованных здесь (а их насчитывается более шестидесяти), А. В. Пильгун совершенно сознательно исключил «Божественную комедию» Данте Алигьери. Своё решение он объясняет тем, что в этом произведении не описывался «экзистенциальный опыт» автора (с. 24). На мой взгляд, данному сочинению все же следовало уделить внимание, тем более что А. В. Пильгун сам справедливо замечает, что характер визионерских текстов менялся в эпоху позднего Средневековья. И если в монографии идёт речь о видениях XIV в., связанных с «Чистилищем св. Патрика» (с. 260–261, 266, 270–271, 275, 283)¹⁰, то и поэме Данте, созданной в тот же период, здесь должно было найтись место. Это позволило бы представить читателю более объемную картину прошлого и продемонстрировать, как именно она менялась в веках, то есть проследить не только традицию, но и новации в изображении и осмыслении загробного мира.

И все же влияние «Божественной комедии» в «Потустороннем мире Средневековья», безусловно, ощущается. И дело здесь даже не в том, что А. В. Пильгун использовал в исследовании огромное количество иллюстраций, созданных именно к этому произведению (с. 216–217, 239, 250, 266, 273, 278, 297, 304, 355 и др.). Как Данте за Вергилием, сам автор следовал за средневековыми визионерами и миниатюристами и, если угодно, создал для читателей собственную «Божественную комедию». Высказанные к тексту монографии вопросы и замечания ни в коем случае не умаляют проделанной А. В. Пильгуном невероятно сложной, скрупулёзной и исключительно профессиональной работы — они лишь предлагают новые пути научного поиска и размышлений. Что же касается собственно «Потустороннего мира Средневековья», то он, как и поэма великого флорентийца, вне всякого сомнения, послужит прекрасной основой для последующих исследований столь непростой тематики, как система представлений и ценностей людей прошлого. Без основополагающего труда А. В. Пильгуна уже не смогут обойтись будущие Джованни Боккаччо, Джеффри Чосеры и Джоны Мильтоны. Пожелаем же им удачи на этом непростом пути, а самому автору — ещё множества интереснейших публикаций, которые все мы будем с нетерпением ждать.

Ольга Игоревна Тогоева

10 О «Чистилище св. Патрика» см. также: Харман Д. Д. Чистилище святого Патрика и другие легенды средневековой Ирландии. М.: АСТ, 2020.